DOI: 10.17117/na.2016.11.01.391

<http://ucom.ru/doc/na.2016.11.01.391.pdf>

Поступила (Received): 29.11.2016

Верведа В.В. Значение судебного прецедента в России

Verveda V.V. Value of a judicial precedent in Russia

В статье рассматривается вопрос о роли судебного прецедента в России. Автор сравнивает значение судебной практики на разных этапах развития страны, а также исследует причины сближения в настоящее романо-германской и англосаксонской правовых систем. Автор рассматривает использование судебной практики в качестве одного из вариантов совершенствования механизма правового регулирования в российской правовой системе

Ключевые слова: судебный прецедент, правовая семья, источник права

In article the question of a role of a judicial precedent in Russia is considered. The author compares value of jurisprudence at different stages of development of the country, and also investigates the rapprochement reasons in the present of the romano-German and Anglo-Saxon legal systems. The author considers use of jurisprudence as one of options of improvement of the mechanism of legal regulation in the Russian legal system

Key words: judicial precedent, legal family, right source

Верведа Виктория Викторовна

Магистрант

Ростовский государственный экономический университет

г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Verveda Viktoria Viktorovna

Master

Rostov state economic university

Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya st., 69

*Научный руководитель:
д.ю.н., проф. Напалкова И.Г.*

К числу дискуссионных в российской юридической науке относится вопрос о судебной составляющей в системе источников российского права. Вокруг этого вопроса возникает немало споров, и до настоящего времени нет единого мнения в среде ученых и юристов-практиков, среди которых есть как сторонники (В.М. Жуйков, В.Ф. Яковлев и др.), так и противники признания судебных решений источниками российского права (Л.С. Зивс и др.).

До судебной реформы 1864 года Россия не знала независимого судопроизводства. Юстиция была ответвлением административной системы, поэтому основной ее задачей было проведение в жизнь воли государства и охрана его интересов. Такое правовое явление, как «судебная практика», зачастую было предметом исследования в трудах дореволюционных ученых России XIX – XX веков (С.В. Демченко, Н.Н. Алексеев, Н.М. Коркунов и др.) [3, с. 135]. В своих работах видные правоведы основное внимание уделяли вопросам, посвященным разно-

образным формам воздействия судебной практики на правовую систему. Дореволюционные юристы по-разному оценивали вопрос о признании судебной практики как формы и как источника права, но, несмотря на высказанные в литературе различные позиции, следует признать, что практически все исследования признавали за судебной практикой рекомендательный характер. После судебной реформы 1864 возросла роль судов, появилась их определенная независимость, усложнился судебный процесс. Это привело к образованию предпосылок для формирования единообразной судебной практики и повышения ее значения в системе источников права. В советский период судебный прецедент официально не являлся источником права. Р.Давид писал: «Если спросить советского юриста, какова роль судебной практики в Советском Союзе, он убежденно ответит, что эта роль значительна. Если же спросить его, является ли судебная практика источником права, то последует незамедлительный и четкий отрицательный ответ» [2, с.11]. В истории Советского государства был период, связанный с активным правотворчеством судов – это первый период существования новой власти, когда только создавались советское законодательство и советская судебная система. В последующий период официальная концепция советского права считала аксиомой положение о том, что судебный прецедент не может рассматриваться в качестве источника права. Негативное отношение к судебному прецеденту в советский период связано с изменением положения и задач всей судебной системы. При советской власти суд стал органом классового насилия, уже не шла речь об обеспечении им обоюдной ответственности государства и личности.

По мнению В.Ф. Яковлева, в современном мире роль судебного прецедента возрастает. Происходит быстрое сближение двух правовых систем – систем, основанных на судебном прецеденте, и систем, связанных со статутным правом [5, с. 82]. В США и Англии ранее сложившиеся прецеденты в значительной степени вытесняются статутными положениями, особенно на федеральном уровне. В германской правовой системе роль прецедентов возрастает. Судьи в настоящее время выступают не только от лица говорящего закона, но и в роли сотворца права, то есть участвуют не в создании законов, а в создании и формировании того, что называется правом. Это становится общей тенденцией в современном мире. Отсюда возрастает роль судебной практики и ее значение для формирования правовых систем. Данная тенденция не могла не отразиться и на нашей правовой системе, относящейся к романо-германской правовой семье, в основе которой лежат принципы римского права. В России наблюдается двойственная ситуация относительно наличия и признания фактического судейского правотворчества. Двойственность эта вызвана существованием несовпадающих мнений относительно решений Конституционного суда, а также постановлений пленумов Верховного суда РФ [4, с. 52].

Отсутствие законодательного закрепления прецедента в качестве источника права России не отрицает его фактического существования и развития. Верховный суд дает разъяснения по вопросам применения законодательства, обобщает судебную практику по ранее рассмотренным делам. Российская правовая система активно воспринимает прецеденты международных судов.

Например, РФ не только привлекает международно-правовую аргументацию в качестве дополнительного довода в пользу своих правовых позиций, вырабатываемых на основе Конституции, но и использует ее для разъяснения смысла и значения конституционного текста [4, с. 53]. Колоссальное значение занимает судебная практика в современном российском арбитражном процессе. Например, согласно ст. 333 гл. 23 ГК РФ «Обеспечение исполнения обязательств» суд вправе уменьшить неустойку, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. [5, с.83]. Таким образом, судебная практика занимает важное значение в правовой системе нашей страны.

Говоря о значении судебного прецедента в нашей стране, сложно не согласиться с Р.З. Лившицем: «Государственная власть осуществляется тремя основными ветвями: законодательством, управлением, правосудием. Средством осуществления власти служат, прежде всего, правовые нормы. Основными видами правовых норм следует считать акты законодательства, управления и правосудия» [1, с. 46]. Следовательно, судебная практика является одним из средств осуществления власти.

Таким образом, явно прослеживается тенденция применения судебного прецедента в правоприменительной практике, несмотря на отсутствие его законодательного закрепления. Необходимо ли его официально признать в качестве источника права остается открытым вопросом уже много лет. Однако одно ясно однозначно – судебный прецедент занимает важное значение в правовой системе нашей страны. Законодатель не успевает отразить в законодательстве изменения, происходящие в социально-экономической, политической и других сферах жизни общества. Наличие в отечественном законодательстве многочисленных пробелов и коллизий требует дальнейших шагов по поиску механизма их разрешения. Одним из вариантов совершенствования механизма правового регулирования в российской правовой системе является использование судебной практики.

Список используемых источников:

1. Лившиц Р.З. Современная теория права: краткий очерк. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992. 94 с.
2. Мкртумян А.Ю. Судебный прецедент в судебной правовой системе: история развития // ЕвразЮж. 2008. № 5 (7). С. 11-15.
3. Пугачев А.Н. Право судебной практики в трудах дореволюционных юристов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 5. С. 135-142.
4. Разноревич А.А. К вопросу о возрастающей роли судебного прецедента в России // Факторы успеха. 2013. № 1 (1). С. 51-54.
5. Фомушина Е.П. Значение судебного прецедента в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2009. № 11. С. 81-84.